

Раб Яо смотрел на Раба Хуана в замешательстве и складывалось такое чувство, будто он не узнавал его. Как будто Раб Яо потерял зрение. Внезапно на лице Раба Яо появился румянец, когда он схватил Раба Хуана за руку.

— Что случилось со мной? Ты знаешь. Ты можешь спасти меня, не так ли?

— Ты прав, — сказал Гу Шэньвэй, с трудом оторвав руку, — Но сначала я хочу вернуть свой белый платок.

— Платок, платок...

Раб Яо пробормотал, словно никогда раньше не слышал этих слов. Затем румянец отступил, а грудь поднялась. Его руки сильно застряслись, и он начал агрессивно стучать по кирпичной кровати. Раб Яо снова хрипло засмеялся.

Гу Шэньвэй с тревогой надавил на точку ТяньЧи Раба Яо. Он пытался передать Внутреннее Дыхание в тело Раба Яо через Силу Инь. К сожалению, его Внутренняя Сила была слишком слаба, чтобы направлять мощную и похожую на поток Силу Ян в теле Раба Яо. Хотя Раб Хуан исчерпал себя, пытаясь, Раб Яо не поправился.

Только могущественные мастера, такие как мама Сюэ, могли остановить его отклонение цигун с помощью Внутреннего Дыхания.

Гу Шэньвэй отказался спасать его и попытался избежать его трясущихся рук. Затем тщательно обыскал тело раба Яо, даже между ног, но ничего не нашел. Раб Яо, должно быть, спрятал платок в другом месте.

Спустя час внутренней борьбы, Раб Яо исчерпал свою энергию и, наконец, успокоился. Время от времени он двигал руками и хрипел, словно тонущий, изо всех сил пытаясь надышаться.

— Платок! Отдай его!

Гу Шэньвэй приложил все свои силы, тряся тело Раба Яо и намереваясь выжать из него остатки жизненных сил.

Раб Яо не мог контролировать себя, румянец приходил и уходил снова и снова. Иногда он приходил в себя и бессмысленно лепетал.

Он не мог узнать Раба Хуана. Все, что он говорил, было чепухой - хвастался, проклинал, а иногда и просил, как если бы он был актером, который пытался сыграть несколько ролей сразу.

Гу Шэньвэй был в отчаянии. Он выполнил только половину своего плана с помощью Воли Бога.

Теперь Раб Яо умирал, и он не знал, где найти белый платок.

Ситуация с Рабом Яо довольно нестабильная. С раннего утра до заката ни доктор, ни мама Сюэ не приходили лечить его. Эта тривиальная вещь не заслуживала внимания в их глазах.

Гу Шэньвэй лег, прислонившись головой к кирпичной кровати. Было невозможно получить подсказку о платке из хрипящих и бессмысленных слов, которые вырвались изо рта Раба Яо, который полностью забыл и о платке, и о Крепости Золотой Птицы Рух. Все, что он упоминал, было прошлым.

По слухам Гу Шэньвэй узнал, что бывший хозяин Раба Яо был очень подлым и презренным человеком, что наполнило сердце Раба Яо ненавистью к миру.

Однако было странно, что Гу Шэньвэй не чувствовал страха, сидя рядом с человеком, который скоро умрет. Он сосредоточил все свое внимание на своих планах на будущее. Он не сможет защитить себя лучше, чем Раб Яо. Рано или поздно его может постигнуть та же участь.

Как он объяснит это Рабу Яо, когда они встретятся в аду?

— Эй, именно я заставил тебя испытать отклонение от цигун, но ты также убил меня, украдя этот белый платок, так что мы в расчете.

Как ответит Раб Яо? Возможно, он найдёт нового босса в аду, не заботясь о существовании его души. Однако, если у Раба Яо все еще такие же чрезмерные амбиции, Гу Шэньвэй снова решит убить его.

— Раб Хуан.

Раб Яо внезапно и спокойно назвал его имя, как будто ничего не случилось. Сердце Гу Шэньвэя начало учащённо биться, несмотря на то, что он все время оставался спокойным. Он повернул голову и посмотрел на Раба Яо.

Глаза Раба Яо были ужасно яркими, как будто горели. Таинственный свет человека, который вернулся в сознание незадолго до смерти.

— Ты никогда не сможешь сбежать. Я буду ждать тебя в аду.

Это были последние слова, которые произнес Раб Яо. Как будто он имел способность читать мысли людей. После этих "милых", или, может быть, пророческих слов, Раб Яо выдохнул в последний раз, его голова наклонилась и опустилась на грудь.

Сердце Гу Шэньвэя быстро стучало. Он знал, что Раб Яо был мертв после того, как проверил его дыхание.

Гу Шэньвэй никого не попросил о помощи. Неся труп, он вышел из западных ворот и сбросил его с края Призрачной скалы. Он почувствовал огромное облегчение, и все же знал, что в разуме было еще одно бремя, которое он, возможно, никогда не сможет сбросить.

После того, как он вернулся в спальню, мальчики внутри попытались избежать его из-за страха, что тоже будут заражены злым духом Раба Яо. Таким образом, они держались как минимум в трех футах от него.

Гу Шэньвэй сильно устал, поэтому это его волновало. Он даже не беспокоился о прибытии Хань Шики. Итак, он закрыл глаза и быстро уснул.

Все пошло не так, как хотелось. На следующий день Раб Цзи разбудил мальчиков палкой из розового дерева, постучав по краю кирпичной кровати. Он объявил, что им не нужно отдавать дань уважения Восьмой Молодой Госпоже, потому как она считает, что они привлекли злых духов. Их оставили убирать Дровяной двор, так как Третий Брат придет и отдохнет здесь сегодня вечером.

Это удивило Гу Шэньвэя, и он не знал что делать. Он думал, что ему может понадобиться еще одна драка.

Однако Раб Цзи временно решил эту проблему для него. Хотя его глаза были полны ненависти, целью стал еще один мальчик. Он спросил Раба Хуана:

— Этот парень мертв?

Гу Шэньвэй кивнул.

— Всё почистил?

Гу Шэньвэй снова кивнул.

— Сними одежду, пусть другие сожгут ее. Тебе не разрешено переходить порог в течение трех дней.

Гу Шэньвэй наконец почувствовал себя свободно. Его не заботила возможность быть одержимым злым духом. Вместо этого он подумал, что из-за этого Хань Шики не будет беспокоить искать его.

Ему удалось избежать катастрофы, но кто-то вместо него должен был быть катамитом. Раб Цзи указал на Раба Ци и Раба Се и приказал им:

— Идите сюда.

Другие мальчики поспешили покинуть комнату, потому что никто не хотел находиться в одной комнате с Рабом Хуаном.

Гу Шэньвэй снял с себя одежду и выбросил ее из комнаты. Вскоре после этого кто-то забрал её, а затем в комнату бросили новый набор.

Гу Шэньвэй аккуратно оделся, а затем тщательно обыскал всю комнату. Он заглянул в углы и за каменные кирпичи, которые можно было сдвинуть.

Раб Яо очень хорошо спрятал платок, и Гу Шэньвэй, казалось, нигде не мог его найти. Он сомневался, Раб Яо уничтожил платок. Однако, поскольку он уже запомнил каждое слово, ему не нужно было его хранить при себе.

Мальчики не осмелились вернуться, за исключением братьев Раба Ци и Раба Се. Они были освобождены от труда и ожидали «милости» Хань Шики.

Три мальчика неловко молчали в комнате.

Они бы стали друзьями, если бы не игнорировали друг друга из-за недоразумения, которое Гу Шэньвэй просто не мог объяснить.

В прошлом братьям было стыдно за то, что их «используют». Однако они успокоились. Даже молодой, Раб Се, не плакал также много, как раньше.

Через некоторое время Раб Ци прямо спросил:

— Ты убил Раба Яо?

Раб Ци не умел достаточно хорошо говорить на китайском языке центральных равнин, но вопрос задал четко и уверенно. Однако Гу Шэньвэй не удалось понять его намерение, поэтому он промолчал.

— Мы хотим, чтобы ты убил еще кое-кого.

Его голос звучал уверенно, и Гу Шэньвэй мог сказать, что Раб Ци хотел его помощи.

— Кого?

— Того человека.

Гу Шэньвэй понял, о ком он говорит. Из трех мальчиков только он знал имя Хань Шики, в то время как Раб Ци назвал человека Третий Брат. Он не был уверен, было ли это настоящее имя убийцы или нет.

Гу Шэньвэй не сомневался в решимости братьев убить Хань Шику, но он решил не отвечать сразу, поскольку они не друзья.

— Мы хотим прекратить наше унижение, и мы знаем что тебе не хотелось бы испытать то же самое. Хочешь присоединиться к нам?

Говоря на не родном языке, тон Раба Ци звучал грубо. Тем не менее, в его глазах, прямо под густыми бровями, Гу Шэньвэй видел честность и искренность, что было редкостью среди рабов крепости.

— Я согласен.

Не было нужды отказывать им в просьбе, да и у него нет причин подшучивать над братьями.

Раб Се тоже вышел вперед. Трое мальчиков держали друг друга за руки, чтобы выразить свое доверие. Они наблюдали друг за другом так долго, что могли искренне относиться друг к другу.

Раб Ци, высокий, на пол головы выше, чем Гу Шэньвэй, дикий и гордый характер. Ведёт себя как зверь, который стоит в шумном мире человечества, несовместим и презираем.

Младший, Раб Се, больше похож на молчаливого ребенка. Он везде следовал за своим братом, не мог приспособиться к своему нынешнему положению или к жизни раба. Он вел себя как ребенок из богатой семьи больше, чем Гу Шэньвэй

Очевидно, что эти два брата не могли завоевать чье-либо сердце с таким характером. С ними обращался как с игрушками Хань Шики, как с подарками Раб Цзи, и как с непослушными мальчишками обращалась с ними мама Сюэ. Во всяком случае, их наказывали гораздо чаще, чем других, особенно Раба Ци.

После нескольких месяцев жизни в качестве раба в нем произошли видимые изменения. На его лице теперь нет никаких следов незрелости. Осталась только пара бдительных глаз и плотно закрытый рот.

Гу Шэньвэй был исключением. Он уже видел такой же гнев, ненависть и страх в братьях. У того убийцы с далекой снежной горы тоже горькое прошлое, как и у них.

Никто из них не упоминал свое прошлое, так как в этом нет никакого смысла. Боль не будет уменьшена или облегчена. Вместо этого будет показана слабость и хрупкость.

Теперь они столкнулись с тем же затруднением, той же опасностью и тем же врагом. Насилие пришлось встретить насилием, поэтому они решили отомстить. Но Хань Шики не был рабом Яо, который ничего не знал о боевых искусствах. Он убийца, и даже если самый сильный, он мог легко уничтожить этих трех мальчиков.

— У меня есть план, — сказал Раб Ци.

Он ждал этого момента целую вечность и готов пойти на любой риск, чтобы убить злодея.

<http://tl.rulate.ru/book/3010/568400>